

Поэтому — масонство, считая его опасной для себя организацией, пользуется безчестностью и моральной неразборчивостью однихъ и наивной довѣрчивостью другихъ, чтобы опорочить Движеніе и повредить его работѣ.

Памяти Л. И. Шестова.

Въ ноябрѣ мѣс. прошлаго года въ Парижѣ скончался Левъ Исаковичъ Шестовъ — одинъ изъ выдающихся русскихъ писателей и мыслителей. Его имя было широко извѣстно — его читали, имъ интересовались не только тѣ, кому близки религіозно — философскія проблемы, которымъ было посвящено все творчество Шестова, — но и тѣ, кому эти проблемы были совершенно чужды. Отчасти это было связано съ тѣмъ, что въ первый періодъ творчества Шестовъ много писалъ по вопросамъ литературы (книги о Брандесѣ, какъ критикѣ, о Ницше, Толстомъ, Достоевскомъ, замѣчательный этюдъ о Чеховѣ и т. д.), — но еще больше это определялось своеобразной писательской манерой Шестова. Его стиль соединялъ въ себѣ прозрачную ясность мысли съ исключительной легкостью и простотой изложенія; короткіе періоды, въ духѣ афоризмовъ Ницше, не загромаждаютъ вниманія читателя, а наоборотъ возбуждаютъ его. Шестовъ писалъ превосходнымъ русскимъ языкомъ, часто въ какомъ то особенномъ насмѣшливомъ тонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ задѣвающимъ глубокія чувства у читателей. Глубокой правдивостью, честностью мысли всегда вѣетъ отъ его книгъ, — но быть можетъ самый главный источникъ живой симпатіи читателя къ Шестову заключался въ томъ, что читатель всегда остро чувствовалъ въ его книгахъ, что за его писаніями стоитъ страстное исканіе безусловной и подлинной правды. Читатель не могъ не чувствовать какой то затаенной и мучительной духовной драмы, которая все время шла въ душѣ Шестова, часто возвышаясь до подлинной трагедіи. Разгадка этой драмы была недоступна публикѣ, какъ недоступна она до конца и сейчасъ, но отъ писаній Шестова вѣяло исключительной искренностью и подлинностью, которыя всегда имѣютъ въ себѣ непобѣдимое очарованіе. Шестову не была совсѣмъ чужда риторика и «литературщина», но онъ съ каждымъ годомъ все болѣе освобождался отъ ихъ

дурмана, становился строже и проще. Нотка глубокаго страданія, мучительнаго раздумья слышится у Шестова постоянно, — и было въ этомъ самообнаженіи нѣчто, что роднило всякаго читателя съ Шестовымъ, хотя было и что то неразгаданное самимъ авторомъ, чего онъ въ себѣ не могъ преодолѣть. По своей философской позиціи Шестовъ принадлежалъ къ «бунтарямъ», — но въ его бунтарствѣ не было того презрѣнія къ «профессорамъ философіи», которое такъ ѣдко и сильно умѣлъ выражать Шопенгауеръ, а была страстная потребность освободиться отъ «тираніи разума» — точнѣе отъ той самоувѣренности, которая была присуща научному и философскому мышленію во второй половинѣ XIX вѣка (когда духовно слагался внутренній міръ Шестова). Къ этому присоединилось у Шестова странное чувство безнадежности въ отношеніи къ современнымъ философамъ, къ современности вообще — онъ чувствовалъ себя одиночкой, какимъ то *enfant terrible*, а несомнѣнный литературный успѣхъ въ, такъ называемыхъ, широкихъ кругахъ только рѣзче подчеркивалъ то, что современные мыслители проходятъ мимо его идей, мимо того, что онъ съ такой страстной правдивостью исповѣдывалъ въ своихъ книгахъ. Если принять во вниманіе исключительную сердечность, доброту, какой то талантъ челоуѣчности въ личныхъ отношеніяхъ Шестова съ современными дѣятелями въ религіозно-философской области, — то на этомъ фонѣ станетъ еще яснѣе его тяжелое чувство непонятости современниками. Не оттого ли столько вниманія удѣляетъ Шестовъ покойникамъ, съ которыми онъ безъ устали, часто рискуя утомить самага терпѣливаго читателя, полемизировалъ? Любопытно, что для Шестова историческая перспектива не имѣла никакого значенія: онъ полемизировалъ съ философами античности съ такимъ же пыломъ, какъ и съ Кантомъ и Гегелемъ.

Шестовъ не былъ собственно философомъ въ точномъ смыслѣ слова. Онъ хорошо зналъ исторію философіи, постоянно и много писалъ по философскимъ вопросамъ, — но ему всегда былъ чуждъ основной пафосъ философіи, какъ стремленія къ систематическому мышленію. Именно къ систематичности онъ и относился подозрительно и недовѣрчиво, видѣлъ въ ней главную трудность въ постиженіи послѣдней правды. Систематичность для него была настоящимъ tes-

timonium paupertatis, истиннымъ симптомомъ ограниченности и слѣпоты нашего разума; позднѣе подѣ влияніемъ догматическихъ взглядовъ Лютера (котораго Шестовъ очень любилъ, хотя и слѣдовалъ ему очень односторонне), онъ видѣлъ въ стремленіи къ систематичности послѣдствіе первороднаго грѣха. Эту богословскую идею христіанской антропологии Шестовъ очень любилъ, хотя понималъ ее исключительно въ отношеніи къ познанію, — и именно въ духѣ протестантской догматики, которая, исходя изъ мысли, что съ грѣхопадениемъ образъ Божій покинулъ человѣка, видитъ въ нынѣшнемъ духовномъ строѣ глубокое искаженіе первоизданнаго состава человѣка.

Шестовъ не вѣрилъ разуму и боялся его «естественной» склонности къ систематичности, но въ то же время онъ въ сущности былъ въ плѣну разума. Здѣсь надо, на нашъ взглядъ, искать разгадки того, почему Шестовъ, такъ пламенно и неустанно звавшій къ вѣрѣ, къ божественному Откровенію, самъ никогда или почти никогда не вступалъ въ эту заповѣдную область, а все время оставался какъ бы «снаружи». Несомнѣнно, душа его жила и питалась только излученіями свѣтоносной сферы Откровенія, но въ творчествѣ своемъ онъ оставался все время «снаружи», сознательно обрекалъ себя только на негативную задачу — охранять вѣру отъ нападений разума. При первомъ взглядѣ это кажется страннымъ и устарѣлымъ: вѣдь споръ между разумомъ и вѣрой, конечно, давно потерялъ свою остроту, и если онъ еще не угасъ совсѣмъ, то все же никакъ нельзя сказать, что вѣра сейчасъ стѣснена разумомъ. Для вѣрующаго человѣка открытъ нынѣ путь достаточной свободы, чтобы не смущаться придирками разума. Между тѣмъ Шестовъ какъ то упрямо оставался именно у этого пограничнаго пункта, — и конечно причина этого лежала только въ томъ, что борьба шла въ немъ самомъ. Въ этомъ, я думаю, и лежитъ значеніе Шестова, его мѣсто въ блужданіяхъ такъ называемой «экзистенціальной философіи»: онъ жилъ не выдуманной, не отвлеченной проблемой, но исходилъ изъ того мучительнаго и трагическаго спора, который все время шелъ въ его собственной душѣ. Онъ не былъ настолько философъ, чтобы уйти въ чистую мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ слишкомъ философъ, чтобы уйти цѣликомъ въ область вѣры. Иначе говоря, — ему была

нужна релігійозна філософія, т. е. філософія ісходящая ізъ вѣры и Откровенія: недаромъ его послѣдняя и лучшая книга «Аѳины и Іерусалимъ» *) носитьъ подзаголовокъ: «Опытъ релігійозной философіи». Однако для построенія релігійозной философіи нужно глубже и больше войти въ область вѣры, а главное — до конца овладѣть идеей Боговоплощенія. Если Ветхій Завѣтъ весь движется чувствомъ непосредственной релігійозной близости къ Богу, то этого совершенно недостаточно для построенія релігійозной философіи, ибо Богъ открывается въ Ветхомъ Завѣтѣ лишь въ своей запредѣльной трансцендентности, которая прорѣзается лишь лучами вѣры, но не допускаетъ никакого «воплощенія» — ни въ логосѣ, ни въ бытіи. Релігійозна философія предполагаетъ частичную имманентность Бога міру (конечно безъ отождествленія Бога съ міромъ — ибо тогда остается чистая философія, но нѣтъ мѣста для религіи — для молитвъ и культа). Таковую частичную имманентность Бога міру, безъ ихъ отождествленія, даетъ намъ только христіанство въ благовѣстїи о Боговоплощеніи, о вхожденіи въ міръ Сына Божїя.

Релігійозный типъ Шестова необъяснимъ и непонятенъ внѣ христіанства, но ему осталась чужда христіанская догматика — во всякомъ случаѣ онъ недостаточно считался съ ней. Въ самомъ христіанствѣ онъ склонялся къ тому объѣдненному его выраженію, какое мы находимъ въ протестантизмѣ, — поэтому вся святоотеческая мысль казалась ему «неестественнымъ симбіозомъ» Откровенія и греческой философіи. При всей огромной философской эрудиціи Шестова ему не хватало знанія христіанской богословской мысли, онъ слѣдовалъ злой и невѣрной формулѣ Гарнака, для котораго святоотеческое богословіе было лишь «острой эллинизацией» христіанскаго благовѣстїя. Отсюда понятно, что Шестову не хватало надлежашей базы для построенія релігійозной философіи. Все его страстное исканіе релігійозной философіи, пламенное устремленіе къ ней не имѣло подъ собой того релігійознаго обоснованія, какое можетъ дать только идея Боговоплощенія. Въ своей мысли

*) Эта книга Шестова (равно какъ и его работа о Кирхегардѣ) вышла на франц. и нѣм. языкахъ, но русскаго изданія ея къ сожалѣнію пока нѣтъ.

Шестовъ почти цѣликомъ оставался въ планѣ Ветхаго Завѣта (недаромъ любимымъ его «героемъ» вѣры былъ Авраамъ), — а искалъ онъ того, что можетъ открыться на основѣ лишь христіанства. Не оттого ли Шестовъ предпочиталъ оставаться за оградой вѣры и Откровенія, чтобы защищать ихъ отъ нападокъ разума? Часто при чтеніи книгъ Шестова возникаетъ какое то грустное и горькое недоразуменіе: зачѣмъ безъ конца, какъ бы бесплодно и бессильно остается онъ за оградой вѣры и не переступить заповѣднаго порога? Та горячая, страстная потребность вѣры, которая съ такой силой и вдохновеніемъ выражена имъ, — почему остается только потребностью, а не переходитъ въ реальность? Точно ли разумъ мѣшаетъ уйти цѣликомъ въ сферу Откровенія? Кстати, подчеркнемъ, что для Шестова не только Ветхій, но и Новый Завѣтъ былъ подлиннымъ Откровеніемъ. Почему же онъ не ушелъ цѣликомъ туда, куда зоветъ это Откровеніе?

Мы подходимъ здѣсь вплотную къ упомянутой выше затаенной, быть можетъ такъ и не разрѣшенной до конца дней духовной драмѣ Шестова. Она совсѣмъ не въ трудности вѣры въ виду нападокъ разума, а сами эти нападки разума пріобрѣтали въ глазахъ Шестова въ силу внутреннихъ причинъ какой то преувеличенный смыслъ, точно гдѣ то въ глубинѣ души онъ самъ держался за эти софизмы разума. «Что для Аѳинъ мудрость — то для Іерусалима безуміе», писалъ Шестовъ. Но развѣ это такъ? Шестовъ противоставляетъ здѣсь Іерусалиму античныя Аѳины и не хочетъ думать о томъ, что есть и другія Аѳины, въ которыхъ мудрость уже просвѣтлена и преображена въ свѣтѣ Боговоплощенія. Этой христіанской мудрости не зналъ и не хотѣлъ знать Шестовъ — онъ любилъ Евангеліе, но чуждался христіанскаго богословія. Въ этомъ и была его внутренняя драма, какъ я ее понимаю: онъ хотѣлъ въ ветхіе мѣха влить новое вино, — и, конечно, эти мѣха оказывались негодными, изъ чего Шестовъ дѣлаетъ выводъ, что для новаго вина мѣховъ вообще не найти . . .

Нельзя не пожалѣть, что Шестовъ такъ много занимался тѣмъ, что какъ разъ ему было не нужно, и не изучалъ того, что единственно могло освободить его душу: онъ изучалъ философовъ, но не богослововъ, тогда какъ только послѣдніе и были ему нужны. Когда

читаешь въ книгѣ Шестова «Аѳины и Іерусалимъ» большой отдѣлъ, посвященный средневѣковой философіи, то съ грустью убѣждаешься въ томъ, что самостоятельно онъ не изучалъ ни восточнаго, ни западнаго богословія, а зналъ его по изложеніямъ. Я думаю, что причина этого лежитъ въ тѣхъ раннихъ философскихъ впечатлѣніяхъ, которыя навсегда отравили сознание Шестова и помѣшали ему сбросить съ себя ихъ власть. Онъ выросъ въ эпоху, когда научный детерминизмъ и самоувѣренный раціонализмъ царили еще безраздѣльно въ философіи. Кантъ (не въ полнотѣ его мысли, а въ первыхъ двухъ частяхъ его «Критики чистаго разума»), Гегель (но не Шеллингъ — это тоже типично) были для него высшими проявленіями мощи разума. На отверженіе этого самодовольнаго раціонализма уходило все раннее творчество Шестова, — ни въ Кантѣ, ни въ Гегелѣ онъ не ощущалъ другой стороны, какъ то не замѣчалъ, напримѣръ, въ Кантѣ геніальныхъ откровеній трансцендентальной діалектики (т. е. 3-ей части «Критики чистаго разума»). Если весь двадцатый вѣкъ въ философіи идетъ подъ знакомъ разрушенія раціонализма и утвержденія свободы духа, — то, страннымъ образомъ, изъ всей новой философіи Шестовъ больше всего интересовался Гуссерлемъ, въ которомъ воплотились наиболѣе «строгія» черты прежняго раціонализма.

Мысль Шестова все время трепещетъ передъ ужасомъ неумолимой и неизмѣнной необходимости и законности, царящей въ мірѣ. Въ природѣ и такъ называемомъ «естественномъ порядкѣ» вещей онъ видитъ лишь царство мертвой и мертвящей необходимости и не замѣчаетъ иныхъ силъ въ мірѣ, черезъ которыя струятся въ міръ лучи свѣта и свободы. . . . Шестову казалось (совершенно въ тонахъ правовѣрнаго Кантіанства), что «наше мышленіе въ своемъ послѣднемъ опредѣленіи является ничѣмъ инымъ, какъ исканіемъ строгой необходимости» («Аѳины и Іерусалимъ» стр. 61). Но именно это и является невѣрнымъ, — познавательные процессы въ человѣкѣ вовсе не ограничиваются этимъ разысканіемъ необходимости. Это въ сущности ясно и для того, кто цѣнитъ въ Кантѣ не только первую и вторую, но и третью часть его «Критики чистаго разума», — а тѣмъ болѣе кто ощущаетъ, какъ давно спалъ покровъ «необходимости» съ нашего

пониманія природы и человѣка. Но Шестовъ пребы-
далъ въ оковахъ односторонняго и невѣрнаго понима-
нія разума и хотя зналъ озаренія вѣры, но слѣдовалъ
не имъ, а оставался въ границахъ окаменѣлаго детер-
минизма и потому съ такой страстностью подымалъ
свой бунтъ противъ детерминизма. Эти муки Танта-
ла, жаждущаго приникнуть къ живой водѣ и не могущаго
сдѣлать этого изъ за оковъ, которыми онъ связанъ, —
истерзали и замучили Шестова, превратили его въ на-
стоящаго мученика вѣры. Какъ тотъ «бѣдный рыцарь»,
о которомъ сложилъ такіе чудные стихи Пушкинъ,
Шестовъ «имѣлъ одно видѣніе, непостижимое уму», и
только этимъ видѣніемъ и держался духовно. Но
драма была въ томъ, что цѣпи, которыя его не пускали
въ заповѣдную область вѣры, куда это видѣніе звало
его, — бы ли мн и м я, что въ дѣйствительности ни-
какихъ цѣпей вовсе не было.

Это былъ особый крестъ Шестова, — и то, что
онъ его несъ съ такимъ мужествомъ и вѣрностью, что
онъ не измѣнилъ ни разу тому чудному видѣнію, кото-
рое лучами Откровенія сіяло передъ нимъ, — есть его
незабываемая заслуга въ исторіи русской религиозной
мысли. Шестовъ своими терзаніями, своей осужден-
ностью стоять у порога вѣры, не входя въ сладость ея
обители, искупалъ грѣхи русской мысли, поскольку
она была обольщена позитивизмомъ Запада. Шестовъ
глубоко и мучительно страдалъ отъ внутренней драмы,
которая была въ его душѣ, — но этими страданіями
онъ искупалъ не личный грѣхъ, а грѣхопаденіе цѣлыхъ
поколѣній. Стоя у самой границы обѣтованной земли,
онъ самъ въ нее не вступилъ, но безъ устали, какъ
добрый и вѣрный рабъ онъ расчищалъ путь для дру-
гихъ . . .

Да найдетъ же душа его то, что такъ любилъ, о
чемъ томился, но чего не имѣлъ здѣсь въ жизни вѣр-
ный слуга Божій.

В. В. З ѣ н ь к о в с к і й.